Дама из сугроба

Автор:
Екатерина Вильмонт

Дама из сугроба

Екатерина Николаевна Вильмонт

Разве можно поверить, что случайно услышанный обрывок телефонного разговора в парижском кафе может стать поворотным пунктом в судьбе Тимура и еще больше запутает его и без того непростую и очень неоднозначную жизнь? Но в результате вынудит его многое пересмотреть и вернуться к истокам…

Екатерина Вильмонт

Дама из сугроба

© Вильмонт Е.Н., 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Часть первая

Раздражало все! И какого черта я опять приперся в Париж? Глупая инерция. Что я рассчитывал тут найти? Просто Париж? Так это уже и не совсем Париж, скорее какой-то ближневосточный город с очертаниями Парижа. И этот тесный до изумления номер в казалось бы приличном отеле, эти завтраки, после которых ищешь, где бы перекусить… Но раз уж прилетел, надо отбыть повинность. Да,

предрождественское убранство города скрашивает то, что кажется тут абсолютно чужеродным. А может, я просто постарел, может, дело не в Париже и мигрантах, а во мне? Да, возможно…

Много лет назад он тоже прилетел на Рождество в Париж, и тоже был взнервлен донельзя. И вдруг в витрине лавочки на Монмартре увидел картину, так, маленькую картинку, абсолютно реалистичную, зимний пейзаж. Она и называлась «Зимний пейзаж со снегирем». Собственно, ничего особенного в этом пейзаже не было. Просто куст калины в заснеженном саду, красные ягоды, замерзшие на ветвях, и снегирь, клюющий эти ягоды. Сердце тогда так странно забилось… Это была картинка его детства. В саду родительского дома тоже было два куста калины, и там нередко появлялись снегири.

– Тима! – кричала мама. – Иди скорее, посмотри, какая красота!

И они вдвоем любовались этими дивными птицами. Он вошел тогда в лавку и буквально за гроши купил картинку.

– Кто автор? – спросил он у хозяина.

– Не знаю. Она подписана всего одной буквой А. Какой-то мужчина принес ее на продажу, но никто не покупал. А мне она нравится. Я, знаете ли, родом из России, мне она навевает какие-то воспоминания о том… чего не было… – грустно улыбнулся продавец.

С тех пор картина всегда висит в его квартире, и когда ему плохо, он смотрит на этого снегиря, и становится легче. Мамы давно нет на свете. А отец живехонек… Ему уже много лет, за семьдесят, но отношения порваны. Отец когда-то ушел от мамы, и Тимур не мог ему этого простить тогда, тем более, что мама вскоре умерла. Она была настоящей восточной женщиной, в ее жилах текла горячая армянская кровь. И выросла она в армянской семье в Тбилиси, и менталитет у нее был соответствующий. На похоронах матери, куда отец все-таки пришел, Тимур сказал ему, что знать его не хочет. А через полгода он бросил все и уехал в Америку. Жизнь и молодой авантюризм швыряли его по разным странам, но прожив за океаном пять лет, он вдруг решил на Рождество полететь в Париж. Он тогда выиграл сумасшедшие деньги в казино, мог позволить себе в Париже многое, и позволил, и то Рождество было таким романтичным и прекрасным, что с тех пор он каждый год летал в Париж. Ну все, хватит, эта тема себя исчерпала!

Он замерз и зашел в первое попавшееся кафе. Заказал кофе и коньяк. Взгляд его упал на юную парочку. Они сидели вдвоем, смотрели только друг на друга сумасшедшими влюбленными глазами. Парнишке от силы лет двадцать, девочке и того меньше. Красивые, счастливые… малыши. Дай Бог счастья им. И пусть эта девочка не окажется такой же дешевкой, какой оказалась Зойка, его первая любовь… Мальчик взял руку девочки, прижал к своей щеке… Надо надеяться, девочка не сочтет это сексуальным домогательством. Нынче это модно. У парня зазвонил телефон.

– Алло, мама! – по-русски воскликнул он. – Все чудесно, нет, что ты, нисколько не жалеем, да, мамочка, не волнуйся. Вика шлет тебе привет! Ладно, позвоню! Целую, мамочка.

У парнишки есть заботливая русская мама. А может и любящий папа, и у них, похоже, мир в семье…

И вдруг отчетливо в голове прозвучало: идиот, что ты строишь из себя обиженного в твои сорок четыре? У тебя есть отец, старый человек, и ты ведь не простишь себе, если он скоро умрет. Так нельзя! Надо, надо примириться или хотя бы попытаться это сделать! Он, конечно, не менее упертый, чем я, но… Да, надо попытаться! Бред какой-то! Вся моя жизнь – это бред… А с чем я заявлюсь к отцу? Чем могу похвастаться? Своим магазинчиком, торгующим моделями машинок в центре Нью-Йорка? Впрочем, у меня не один такой магазинчик, а четыре, в разных городах Америки, вполне успешный бизнес… Но вряд ли в глазах отца, ученого с мировым именем, это хоть что-то значит… В игрушки играешь на пятом десятке – наверняка скажет он. Всю жизнь во что-то играешь… Не об этом для тебя мечтала мама! И что тут скажешь? Впрочем, я могу ему ответить, что не о такой семейной жизни она мечтала. Будем квиты. И что? Ничего. Ни-че-го! Так может и пытаться не стоит?

Нет, все-таки стоит. В конце концов, он мой отец… А впрочем, может, я совершенно не нужен ему? А вдруг нужен? Может, не я, а какая-то помощь, какие-то лекарства из Америки? Кто знает?

Он вытащил из кармана телефон. Позвоню сейчас же, а то могу и передумать. Вероятно, надо бы звонить на мобильный, но я не знаю его номера. Сегодня суббота, позвоню на дачу, он любил на выходные ездить на дачу, а возможно, он уже на пенсии и постоянно живет на даче. Трубку долго не брали, потом ответил женский голос:

– Алло! Алло! Говорите!

Ага, судя по фрикативному «г» это домработница, скорее всего с Украины.

– Алло, вы меня слышите?

– Слышу! Вам кого?

– Сергея Сергеевича можно?

– Можно, чего ж нельзя-то? Сергей Сергеич, вас!

– Я слушаю, – раздался в трубке голос отца. Он совсем не изменился.

У Тимура пересохло в горле.

– Алло, папа?

– Тимур? Ты? – голос отца вдруг охрип. – Тимка, ты?

– Да, папа, я.

– Ну наконец-то! Поумнел к сорока четырем? А я уж думал, только к сорока пяти… – засмеялся отец. – Ну, где ты, блудный и, видимо, блудливый сын? Где тебя носит? Приезжай! Хочу тебя видеть, скотина ты этакая…

У Тимура комок застрял в горле. Сладостное облегчение снизошло на него.

– Папа, как ты? Да, я приеду, прямо завтра… Если, конечно, достану билет…

– А ты где сейчас?

– В Париже, но я… я хочу в Москву! И на дачу!

– Немедленно заказывай билет! И сразу сообщи, когда прилетаешь, я встречу тебя!

– Зачем? Не стоит, я возьму такси и приеду на дачу!

– Нет, я тебя встречу. Скажи, а у меня… есть внуки?

– Чего нет, того нет, и снохи тоже нет.

– Ладно, поговорим об этом. Знаешь, у меня теперь есть камин. Ну все, заказывай билет! Жду тебя, сын!

Господи, все оказалось так просто! Камень с души. И голос отца звучит по-прежнему молодо…

– Леша, почему нам надо возвращаться? Рождество ведь!

– Но я же говорил – двадцать восьмого у мамы день рождения, я не могу не приехать. И потом – мы здесь уже неделю.

– Ну давай останемся на Новый год! Новый год в Париже – это круто! Ну Лешенька, ну пожалуйста… Павел ведь нас не гонит. Поменяем билеты и… А маме позвонишь. Она у тебя хорошая, поймет.

– Об этом не может быть и речи! Впрочем, если ты настаиваешь, оставайся.

– Одна? Без тебя?

– Ну да. Я, кажется, предупреждал… и билеты заказывал при тебе.

– Но я же не думала… что все так… так клево… так круто…

– Я же сказал, оставайся! Денег я тебе оставлю, – очень сухо произнес Алексей.

– Лешенька, ты золото! А ты не обидишься?

– Тебя это беспокоит?

– Ну, Лешка, не придирайся… Я первый раз в Париже… И Паша предлагает остаться…

– Хорошо. Оставайся! А я завтра лечу!

– Но мне же надо будет поменять билет.

– Меняй, в чем проблема? Скину на твой телефон все данные. Вперед!

– Ну вот, ты обиделся… неужели так сложно понять?

– Да все я понял!

– Ты, значит, маменькин сынок?

– Выходит так!

Как ни странно, билет нашелся. Кто-то отказался лететь! Неужели завтра я увижу отца? Все дурацкие обиды, недоразумения канули в Лету. Осталась только благодарность отцу за ту радость, которую он, похоже, испытал от моего звонка и даже, пожалуй, нежность… Надо купить отцу какой-то хороший подарок. Но что это может быть? Покупать какие-то вещи… Я даже не знаю, как он сейчас выглядит… Однако я помню, как он любит хороший сыр! Решено! И Тимур отправился в соответствующий магазин и купил несколько разных сортов сыра, попросив продавщицу упаковать их так, чтобы в самолете не распугать пассажиров запахом. В результате получилась внушительная коробка, впрочем, вполне элегантного вида.

Ночь перед отлетом Тимур почти не спал, волновался.

В дьюти-фри он купил отцу еще флакон нового модного одеколона. Кроме того, в чемодане, тщательно упакованная, лежала бутылка коллекционного коньяка.

Уже перед самой посадкой в самолет Тимур вдруг заметил того паренька, который так сиял рядом со своей девушкой и которому звонила русская мама. Но сейчас парень был хмур, а девушки не было видно. Поссорились? Впрочем, может быть, девушка была парижанкой, хоть и российского разлива?

Но в самолете они оказались соседями. Значит, девчонка должна была лететь на моем месте? Мне повезло, что она отказалась, а вот парнишке…

– Ой, извините, – на хорошем английском обратился к нему паренек, – я не мог видеть вас вчера в кафе на площади Согласия?

– Совершенно верно, молодой человек, – по-русски ответил Тимур. – Я вас тоже приметил, и если я прав, я занимаю место, предназначавшееся вашей очаровательной спутнице?

– Точно!

– Значит, мне повезло.

– Знаете, мне, видимо, тоже, – грустно улыбнулся парень.

Ему понравился этот мужик с красивым и умным лицом, который, к тому же, кажется, все про него понял.

– Как вас зовут, юноша?

– Алексей, можно Леша.

– А я Тимур.

– А по батюшке? – уточнил Алексей.

– Можно просто Тимур. Я давно живу на Западе и отвык от отчества.

– Ну, если на Западе… А то моя мама всегда внушает мне, что в России к старшим надо обращаться по имени-отчеству.

– Ну, в принципе, это правильно. Тогда я Тимур Сергеевич.

– Очень приятно.

– Простите мое любопытство, Леша, почему ваша девушка не летит с вами? Она парижанка?

– Нет, москвичка, но ей так понравилось в Париже… А я не мог остаться, у моей мамы послезавтра день рождения.

– И она назвала вас маменькиным сынком?

– Откуда вы знаете?

– А со мной была приблизительно такая же история, – рассмеялся Тимур. – И должен вам сказать, я потом никогда об этом не жалел.

– Думаю, и я не стану жалеть.

– Знаете, я когда увидел вас там, в кафе, подумал: какая прелестная пара, как они счастливы, и дай Бог этому парню, чтобы его девушка не оказалась такой же дешевкой, как моя первая любовь.

– Вы сказали дешевкой? Надо же, очень точное определение, просто в моем лексиконе как-то не было этого слова. Супер! Именно дешевка! Это точно… Дешевка…

– Вы студент? – решил сменить тему Тимур. Ему очень нравился Алексей.

– Уже дипломник. Я будущий астрофизик.

– О!

– А вы?

– Мне сложно ответить на этот вопрос, но все же попытаюсь. У меня небольшой бизнес в Америке.

– А вы давно не были в Москве?

– Восемнадцать лет.

– Ого! Вы город просто не узнаете.

– Да, я наслышан… И в Интернете многое видел.

– У вас в Москве есть родственники?

– Отец.

– Вы давно не виделись?

– Восемнадцать лет, – с горечью проговорил Тимур.

– Извините.

– Ну а у вас в Москве…

– Мама, друзья и вообще… вся жизнь, – улыбнулся Алексей.

– Вы славный малый, Леша! – улыбнулся Тимур. – И очень любите вашу маму.

– Да, очень. Но я вовсе не маменькин сынок. Мама сама мне внушила, что я ничем, собственно, ей не обязан, и вполне могу распоряжаться своей жизнью. Мама у меня еще молодая, красивая, у нее тоже своя жизнь… Но нам хорошо вместе, весело. Но жить друг другу мы не мешаем. Мне в сентябре исполнился двадцать один год, так мама решила отдать мне нашу квартиру, а сама переехала за город. Построила дом… и сказала, что ей лучше за городом. Вообще-то да, мама художница. Она там оборудовала себе мастерскую… Ей там лучше…

– Юноша, вы везунчик! – улыбнулся Тимур. Ему страшно нравился этот парень. У меня мог бы быть такой сын… не без грусти подумал он. А ведь у парнишки явно нет отца, мать растила его одна. Молодец, хорошего человека воспитала!

Разговор как-то иссяк. Алексей достал смартфон и углубился в него.

Но через некоторое время он сказал с улыбкой:

– А вот моя мама и мои… батьки?!

– Батьки?? – удивился Тимур.

Он увидел фотографию женщины и трех мужчин. Они стояли рядком, положив руки друг другу на плечи, и весело смеялись. Женщина была красива, да и мужики тоже выглядели хоть куда.

– Это мама и ее друзья. Мой отец погиб, когда мне было два года, и я его совсем не помню, а они мне его заменили… Ну то есть… помогали маме меня растить, чтобы я вырос… мужиком… И вроде получилось… – смущенно улыбнулся Алексей. – По крайней мере, надеюсь…

– А мама больше замуж не вышла?

– Нет! Мама в высшей степени независимая особа. Она вообще-то по образованию юрист, работала в одной крепкой фирме, а в один прекрасный день бросила все и занялась живописью. И у нее получилось. Сейчас она модный портретист, ей нередко заказывают портреты очень богатые и влиятельные люди. Знаете, Тимур Сергеевич, я здорово горжусь своей мамой!

– Вы молодец, Леша, и ваша мама тоже, должно быть, гордится вами.

– Еще как!

И чего это я вдруг разоткровенничался с совершенно чужим дядькой? – подумал вдруг Алексей. Глупо как-то… Но он почему-то внушает доверие…

Но тут им подали обед и разговор прервался. А после обеда Тимур задремал.

Чем ближе самолет подлетал к Москве, тем сильнее он волновался. Неужто отец и впрямь приедет его встречать? И как это будет? Первый момент встречи всегда так важен… Ему ужасно не хотелось сейчас с кем-то разговаривать, и Алексей, по-видимому, это понимал. Он что-то читал в смартфоне.

Но вот объявили, что самолет идет на посадку. У Тимура заложило уши. Он то и дело поглядывал на часы. Пятнадцать минут до посадки, десять, пять, четыре… И вот тяжелая машина покатила по посадочной полосе. Люди зааплодировали. Алексей включил телефон.

– Алло, мамочка, мы приземлились. Не волнуйся! Я завтра утром приеду! Пока, мама!

Но Тимур уже ничего не слышал. Он встал, вытащил сумку из багажного отделения, кивнул на прощание Алексею и протиснулся вперед всего на два шага, так как народ уже в нетерпении толпился в проходе, хотя из самолета пока не выпускали. Но вот, наконец, очередь начала медленно рассасываться. Он прошел по рукаву и вместе с другими пассажирами двинулся к зоне паспортного контроля. Народу было не так много. Тимур оказался третьим в очереди. Суровый молодой пограничник взял документы, сверился с фотографией, поставил какую-то печать и вернул документы Тимуру. Так как багаж он не сдавал, то сразу направился к зеленому коридору. Никто его не остановил. Сердце бешено колотилось. Он вышел в зал прилетов. Огляделся.

– Тимка!

– Папа! Ты приехал все-таки!

Они обнялись. Отец похлопал его по плечу.

– Тимка, дай я на тебя посмотрю! Ишь, какой стал… красавец! На маму похож…

– Папа, а ты прекрасно выглядишь, как будто и не постарел…

– А ты…

– Что? Постарел? – улыбнулся Тимур.

– Нет. Возмужал. Я страшно рад… Ты такой молодец, что позвонил… И приехал. Ну все, пошли. Это весь твой багаж?

– Я не люблю ездить с большим багажом. Лишняя морока. Если б я получал багаж, мы бы еще не встретились. Иногда багаж вообще теряется, ну его…

– Пошли, пошли, тут еще до стоянки идти и идти.

– Ты за рулем, папа?

– Да, пока еще есть силы.

Они довольно долго шли к стоянке. Отец шел бодрой молодой походкой. Молодец! А сколько же ему? Семьдесят четыре… Здорово! Интересно, какая у него машина? Оказалось, тойота-кроссовер. Тимур закинул сумку на заднее сиденье и сел рядом с отцом. Пока выезжали с территории аэропорта, отец молчал. А потом вдруг спросил:

– Ну что, Тимка? Как ты? Что ты? Где? С кем? Все рассказывай! Я хочу все знать о тебе.

– Вот так, сходу, все? – засмеялся Тимур. – Ладно, по пунктам. Я – хорошо. У меня небольшой бизнес в Америке, вполне успешный, я в миллиардеры не стремлюсь. Живу в Нью-Йорке. Один. Семьей не обзавелся, но мне так лучше. Раньше вел… как бы это сказать… несколько необычный образ жизни, но устал, постарел и на заработанные деньги открыл свой маленький бизнес.

– В чем он заключается, твой маленький бизнес?

– У меня… четыре специализированных магазина в четырех городах, в Нью-Йорке, в Лос-Анджелесе, в Чикаго и в Лас-Вегасе.

– Вон даже как? И на чем же специализируются твои магазины? Чем торгуют?

– Машинками.

– Какими машинками?

– Моделями машин, самыми разными.

– Игрушками, что ли?

– Можно и так сказать, – пожал плечами Тимур.

– Обалдеть! И это приносит прибыль?

– Да, и неплохую.

– Что ж, каждый торгует, чем может, кто-то умом и талантом, а кто-то машинками…

– Ну, чтобы иметь четыре таких магазина в Америке без ума и таланта тоже не обойтись.

– Ладно, не обижайся на старика. А вот скажи-ка мне, что означает «несколько необычный образ жизни»?

– Я играл.

– Играл? На чем?

– Ну, скорее не на чем, а во что. В основном в покер. Профессионально.

– Что это значит? Ты… шулер?

– О нет! Я был профессиональным игроком. Ты же знаешь, у меня математический склад ума, я… Ко мне однажды в одном казино, где я частенько играл, подошел хозяин и пригласил на разговор. Он сказал, что мою игру отслеживают несколько специалистов, и они обнаружили, что моя игра на сотую долю процента отличается от компьютерной, и он готов заплатить мне кругленькую сумму, чтобы я не играл больше в его казино.

– А ты что?

– Я согласился. Ведь я заработал эти деньги своим умом и талантом.

– Ты обиделся, чудак. Но ты сказал, что это в прошлом?

– Да. Я устал. Это же требует огромного напряжения, хотя и доставляет удовольствие тоже огромное. Но однажды в Монте-Карло я встретил своего кумира в этой области. Это был конченый человек… Он все спустил, спился, и его уже не пускали в приличные заведения. И я вдруг подумал – хватит, Тимур, надо что-то менять в жизни. У меня были кое-какие деньги, и я купил магазин машинок в Лас-Вегасе, где я тогда и жил. Я там многое переустроил, и дело пошло… Вот как-то так, папа.

– И ты больше не играешь?

– Нет. Завязал. Хотя иногда тянет…

– А я слыхал, что люди играют в Интернете.

– Мне это неинтересно. Ну а ты, папа?

– Я еще работаю. Это держит меня в тонусе. У меня своя лаборатория, я преподаю.

– Я знаю, что ты овдовел.

– Увы.

– И больше не женился?

– О нет, с меня хватит, да и стар я уже. Ну а ты почему один?

– Женатый профессиональный игрок – это нонсенс, – усмехнулся Тимур. – Да и охоты нет.

– Ну какая-то постоянная дама-то есть?

– Сейчас нет.

– Ладно, как бы там ни было, главное, что ты позвонил и приехал. А кстати, почему ты вдруг решился? И что ты делал в Париже?

– Я уже много лет на Рождество летаю в Париж. Мне казалось, это красиво… На Рождество в Париж…

Отец хмыкнул.

– А тут позавчера в одном кафе увидел парочку из России, мальчик и девочка, красивые, веселые. И вдруг мальчику позвонила мама. И он так хорошо с нею говорил… И меня вдруг стукнуло… Вот как-то так… Хотя, должен признаться, что в последний год часто думал о тебе, но решиться не мог. Мне казалось, ты спросишь меня, чего я в жизни добился, а на твоих весах мои достижения окажутся ничего не весящими. И вдруг… Я позвонил и все…

– Ты сохранил гражданство?

– Да.

– Молодец.

– А куда мы едем?

– На дачу. Я теперь в основном живу там. У меня домработница, чудесная женщина с Украины, Авдотья Семеновна. Так готовит, пальчики оближешь. Знаешь, мне моя нынешняя жизнь нравится, доставляет удовольствие. А ты… ты хочешь повидаться с кем-то из прошлого?

– Не думал пока. А что?

– Да ничего. Просто спросил.

– Скажи, папа, ты говорил кому-нибудь о моем приезде?

– Нет. Никому, кроме Авдотьи Семеновны.

– Слушай, пап, а Москву и впрямь не узнать! – воскликнул Тимур. – Столько света… И как красиво все украшено к Рождеству! Не хуже, чем в Париже… Я видел в Интернете, но воочию… впечатляет! Хочется прогуляться по улицам.

– Прогуляешься, успеешь еще! Я специально повез тебя через центр, чтобы ты посмотрел… И сейчас мы с тобой пообедаем в хорошем ресторане, ты небось голодный, а потом уж на дачу.

– Может, не стоит?

– Стоит, стоит! Я заказал столик в ресторане с парковкой. Это знаменитый «Пушкин», может слыхал?

– Да нет, кажется, не слыхал.

– Отличное заведение, а главное, с парковкой, сейчас в Москве это очень важно.

Сергей Сергеевич отдал ключи от машины парковщику, и они вошли в ресторан. Их провели к столику у окна, выходящего на Тверской бульвар. И тут же молодой человек в длинном белом фартуке принес меню, назвался Антоном и предложил напитки на выбор.

– Выпьешь что-нибудь? – спросил отец.

– Нет. Один не буду. Кстати, я привез тебе хороший коньяк и набор французских сыров.

– Ох, спасибо! Вот вечером сядем у камина… Что будешь заказывать?

– Даже не знаю…

– Хочешь кислые щи?

– Кислые щи? Пожалуй. Сто лет не ел.

– А у вас же полно русских ресторанов.

– Я там не бываю. Не люблю. О, возьму бефстроганов.

– Правильный выбор, здесь его отлично готовят! Господи, Тимка, как же я рад! Ты такой стал красавец, лучше, чем был в молодости. Дамы небось за тобой табунами бегают. Впрочем, они и раньше за тобой бегали.

– А я от них.

– Ради бога, не пугай меня!

– Нет-нет, папа, – рассмеялся Тимур, – со мной все нормально, я придерживаюсь традиционной ориентации, просто игра была мне всегда интереснее женщин, поэтому романы случались, но ничего серьезного.

– А как же такая старомодная штука как любовь?

– А она существует, эта старомодная штука? – улыбнулся Тимур.

– О да, мой мальчик, существует. Просто ты ее еще не встретил. Погоди, тебя еще так припечет…

– Ох, не дай Бог! Папа, скажи, ты не знаешь, Венька… он в России? Жив?

– Венька? Лебедев?

– Ну да.

– Живехонек! А ты не искал его в соцсетях?

– Боже, папа! Я такой чепухой не занимаюсь. Я вообще люблю живую жизнь, а не виртуальную. Так что с Венькой?

– Насколько мне известно, у него какой-то серьезный бизнес. Нет, я что-то путаю. Он, кажется, режиссер, или что-то в этом роде.

– Да, он всегда был помешан на кино.

– Ты хотел бы его повидать?

– Пожалуй, да. Хороший парень. По крайней мере, был… Я потом посмотрю в Интернете.

– Да, правильно. А вот Леночка твоя… Она умерла.

– Я знаю. У нее всегда было больное сердце, но она никогда не была «моей Леночкой», мы просто дружили.

– А мне казалось…

– Тебе казалось, папа. Черт, как приятно произносить слово «папа»…

– Тимка!

– И слышать это «Тимка»!

Им подали щи в горшочках, покрытых румяным воздушным тестом.

– Не прикажете снять крышечку? – любезно осведомился официант.

– Нет, спасибо, мы сами! – ответил отец.

Он аккуратно подхватил ножом тесто и положил на тарелку, отщипнув кусочек.

– Отлично! Первую ложку за тебя, сын!

Тимур со смехом последовал его примеру.

– Ох вкусно! Хотя, конечно, требует водки.

– Так закажи!

– Не надо, и так хорошо! Нет, просто прекрасно! Если бы еще вчера утром мне сказали, что завтра я буду в Москве есть кислые щи вместе с отцом, я бы рассмеялся… Но как я рад… Так это славно…

– И я был прав, привезя тебя сюда. Наша первая трапеза проходит спокойно, с глазу на глаз… Да?

– О да! Как будто рушатся все барьеры, все обиды и предубеждения… Спасибо, папа!

Его голос предательски дрогнул. Отец накрыл его руку своей.

– Все! Нет никаких обид, никаких предубеждений, есть просто два, как говорят поляки, гоноровых дурака. Мы оба были хороши… Черт знает что! А ты молодец, Тимка, сохранил отличный русский язык. А то тут недавно был один мой ученик, он много лет живет в Канаде, у меня от его русского уши завяли. Хотя сейчас у нас тоже порой говорят на таком ужасном языке… Иной раз просто оторопь берет.

– Папа, а ты бывал в Америке?

– Был. Дважды. Не мое. Но, по-видимому, твое?

– Не знаю… Может и мое… Как-то не думал. Живу и живу. Вот только баб американских не люблю.

– А как же ты?

– Там много разных, и китаянки, такие красотки бывают… И как-то ничего от тебя не требуют…

– Я тебя понял. А русские девушки?

– О! Русские в Америке как раз очень много требуют! – рассмеялся Тимур.

Им подали бефстроганов и кувшин черносмородинового морса.

– Папа, это мечта! – отхлебнув морс простонал Тимур.

– А ты и в детстве обожал морс.

– Да? Я не помню. А ресторан и вправду отличный. Скажи, а ты… У тебя есть какая-то дама? Ты в такой отличной форме…

– Нет. Но мне и не надо. Я на старости лет наслаждаюсь тем, что сам себе хозяин. Я только недавно понял, что это и есть идеал жизни. Минимум желаний и максимум возможностей этот минимум осуществить.

– С ума сойти, папа! Выходит, я живу идеальной жизнью?

– Нет! Ты еще молодой, у тебя очень много желаний…

– Не сказал бы…

– И зря! Ты просто еще не знаешь, что такое любовь.

– И слава богу! Я, папа, много читаю, собрал даже неплохую библиотеку, хоть это нынче и не модно. Из книг много знаю о любви, может, даже слишком много. И не хочу…

– Погоди, Бог тебя накажет. Так влюбишься, что света белого не взвидишь! Ну да ладно! Скажи, где ты хочешь побывать в Москве, кого повидать?

– Не знаю пока, хотя уже два желания сформировались. Побродить по Москве и встретиться с Венькой, может, смотаться на денек-другой в Питер.

– Но на днях же Новый год.

– Новый год встретим с тобой, папа!

– Отлично!

– А я не нарушаю тем самым какие-то твои планы?

– О нет! Я давно никуда не хожу на Новый год, предпочитаю сидеть дома. Один. Но вдвоем с тобой еще лучше.

– Папа, скажи, а на участке… Там есть еще калина? И на нее прилетают снегири?

– Да есть, и они еще прилетают, правда, в этом году пока снегу мало, да и тепло… Помнишь, как мама любила эти кусты?

– Помню, конечно. Знаешь, я однажды в парижской лавчонке увидел зимний пейзаж, с калиной и снегирем. И купил его буквально за гроши. Он висит у меня в спальне в Нью-Йорке, и я его обожаю. Он напоминает мне детство, маму…

Сергей Сергеевич внимательно посмотрел на сына.

– Ты молодец, Тимка, ты все-таки нашего роду-племени…

Они еще выпили кофе.

– Ну, пожалуй, пора ехать.

– Да, папа, поедем. Ты не устал? Хочешь, я сяду за руль?

– Еще чего! Я сам!

Москва сияла новогодним убранством.

– Надо же… Пожалуй, не хуже, чем в Париже, да нет, лучше! И вообще… Скажи, папа, а что за женщина у тебя живет?

– Хорошая тетка, добрая, из Полтавы, дети ее в Польшу подались, а она в Москву. Мне ее порекомендовала одна знакомая, и с того момента я горя не

знаю. Дом всегда в порядке, готовит божественно, а при этом удивительно тактичная и ненавязчивая женщина. И заботится обо мне. Повезло мне на старости лет.

– Папа, я привез еще коробку конфет, может, я ей подарю?

– Подари, Тимка, обязательно подари! Она будет в восторге! Ты молодчина!

Они въехали в дачный поселок. Тимур ничего не узнавал. Выросли какие-то новые дома, порой вычурные и безвкусные.

– Понастроили тут… – вздохнул отец.

– Да уж!

– А вот мы и дома!

Забор вокруг отцовской дачи был новый, кирпичная сплошная стена. Отец пультом открыл ворота и въехал на участок. Над крыльцом горел большой яркий фонарь.

– Снега нет, – с грустью произнес отец. – Зимой без снега все имеет какой-то сиротский вид.

– Собаки у тебя нет? – спросил Тимур.

– Нет. После Лорда, был у меня такой пес, душа-человек, не могу… Не хочу другого.

Сергей Сергеевич открыл дверь ключом.

– Авдотья Семеновна, мы приехали.

– Лешка, приехал все-таки! – обняла сына мама. – Ну зачем? А как же Вика? Она наверняка огорчилась?

– А чего ей огорчаться? Она осталась в Париже, – пожал плечами Алексей.

– А ты улетел? Она, наверное, обиделась?

– Это ее глубоко личное дело. Мне это уже не интересно.

– Лешка, что случилось? Вы поссорились?

– Мы расстались.

– Лешка, это бесчеловечно! – рассмеялась мама, в глубине души очень довольная. Ей не слишком нравилась Вика. – Девочка первый раз в Париже…

– Я ее предупреждал, что вернусь до Нового года.

– А она что же, осталась у Павла?

– Да. Они, похоже, понравились друг дружке, а я не возражал. Мне так лучше. Спокойнее.

– Какие вы все, мужики, противные! – сморщила носик Александрина Юрьевна. – Фу!

– Мамочка, а как ты?

– Нормально. Нет, я – отлично, просто супер! Обживаю новый дом и счастлива. У меня никогда не было такой роскошной мастерской. Все устроено именно так, как мне нужно. Но теперь надо еще больше работать, мне это счастье влетело в копеечку. Но заказов тьма, так что только успевай поворачиваться. Да еще в сентябре выставка предстоит. Да, ты где намерен встречать Новый год?

– Может, с тобой?

– Даже не вздумай! Езжай к Борьке, веселись там, а я не пропаду!

– Да уж, такие красавицы не пропадают!

– Ладно, не подлизывайся.

– Да, у тебя тут здорово, мам! А почему ты камин не сделала? Ты же собиралась?

– Да ну его! Знаешь, я тут писала портрет одной ну оччень богатой дамочки, так она мне демонстрировала свой камин, и все приговаривала: «Представляете, настоящий каррарский мрамор!» И с таким придыханием. Мрамор-то может и настоящий, а сама она вся поддельная, губы, сиськи. Брр! И ведь уверена, что все должны ей завидовать. А как она с прислугой разговаривает. Я чуть со стыда не сгорела.

– А ты почему?

– Мне за нее было стыдно.

– Но хоть расплатилась честно?

– Да. Со мной ее муж расплачивался. Он как раз практически нормальный, жутко замотанный мужик.

– Олигарх?

– Да почем я знаю! Но явно очень богатый. Обмануть меня он не решился бы, понимал, что могу ославить…

– Ох ты и крутая, мама! А что батьки??

– Вроде все в норме. Звонят, интересуются.

– Знаешь, мне дядя Марик прислал тысячу евро в Париж! Мам, ты ему скажи, не надо было! Неудобно!

– Сам говори! А лучше бы просто сказал спасибо. Он тебя обожает, своего сына у него нет, и он от штуки евро не обеднеет.

– Я понимаю, но… Я ведь и сам уже кое-что зарабатываю… Но вообще-то это было кстати, я Вике триста евро оставил.

– А чего не пятьсот? – рассмеялась Александрина Юрьевна. – Жаба задушила?

– Нет, просто тогда бы мне не хватило на подарок тебе.

– Ой! И что за подарок, Лешка?

– Я не знаю, понравится ли… Я сейчас!

Он выскочил и побежал к машине. Вернулся с большим красивым пакетом.

– Вот, мама, примерь!

И он достал из пакета что-то меховое.

– Лешка, ты рехнулся?

Это оказалась меховая жилетка, легкая и очень красивая.

– Это жутко модно, мам, особенно для женщин за рулем. Мне сказали, что она связана из норки, как, я не понял.

Он подал матери жилетку, она надела ее. Жилетка оказалась невесомой и очень ей шла.

– Лешка, спасибо тебе, красотища! Только зря ты столько денег потратил.

– Почему зря? Тебе идет! И я же люблю свою мамашу.

– Не смей звать меня мамашей! – шутливо щелкнула сына по носу Александрина Юрьевна. – Да, если на толстый свитер, будет здорово.

– Мам, а ты понимаешь, что значит – связано из норки?

– Не очень понимаю, как это, но знаю, видала, у меня даже есть такой шарфик, только другого цвета.

– Значит, меня не надули.

– Идем, будем праздновать, все-таки день рождения.

– А ты гостей не звала?

– Куда мне гости, я еле жива! Вот на старое Рождество устроим новоселье, тогда и отпразднуем. А до тех пор я отдыхаю! Все уже отпоздравлялись, я всем сказала, что жду их седьмого. Но твоя помощь будет нужна ближе к делу! Я могу на тебя рассчитывать?

– Вопрос дурацкий, как минимум!

Они сели за стол в новенькой очень красивой кухне.

– Надеюсь, ты сегодня здесь переночуешь?

– А что?

– Ты ответь!

– Безусловно, переночую.

– Тогда вспомним молодость!

– Ура! – завопил Алексей.

Мама подала на стол сосиски с картофельным салатом, достала из холодильника баварское пиво, а потом еще и воблу. Когда-то они именно так отметили его восемнадцатилетие к вящему возмущению бабушки.

– Вы бы еще семечки лузгали! – негодовала она.

– А что? Роскошная идея! – хохотала мама.

Бабушка в прошлом году умерла. И хотя они часто не понимали друг друга, но с ее уходом оба поняли, что осиротели.

Они помянули бабушку, вопреки традиции чокнувшись дивной красоты баварскими пивными кружками и, доев сосиски, принялись колотить воблой о массивный деревянный стол. При этом оба хохотали как сумасшедшие. Как они любили друг дружку в этот момент, впрочем, они всегда любили друг друга.

– Знаешь, мам, я когда подъехал к дому, вдруг увидел его совсем другими глазами, вроде как со стороны, он не просто красивый, а какой-то особенный, впрочем, ты у меня тоже особенная, мамочка!

За завтраком отец сказал:

– Ты, Тимка, вовсе не обязан сидеть тут с утра до вечера. Езжай в город, ты же мечтал побродить по улицам, поглазеть на новую Москву, вот и езжай! А я буду работать. Если вдруг решишь заночевать в городе, вот тебе ключи от квартиры, только, пожалуйста, позвони, предупреди.

– Спасибо, папа, я, пожалуй, так и сделаю.

– Может, возьмешь машину? У тебя же есть права?

– Пожалуй, не стоит, и доверенности нет и, сам же говоришь, проблемы с парковкой… Я на электричке, как раз приеду к трем вокзалам, а там разберусь.

– У тебя есть какие-то конкретные планы?

– Нет, ничего конкретного.

– Ну, тогда ступай с миром.

До станции было пятнадцать минут пешком. Как жаль, что почти нет снега, вид не тот… И вдруг он вспомнил, что Венька Лебедев, его школьный друг, жил в пяти минутах ходьбы от вокзала. Они с первого класса сидели за одной партой и слыли отпетыми хулиганами. Но после школы Венька вдруг решил умотать из Москвы на Камчатку к ужасу его мамы, Натальи Олеговны. И уехал. Первое время присылал матери и лучшему другу довольно длинные и хорошо написанные письма с восторгами по поводу камчатской природы, потом написал, что его взяли на рыболовецкий траулер матросом, что тоже повергло его в восторг, поистине щенячий, и в кромешный ужас Наталью Олеговну. А потом у Тимура началась бурная студенческая жизнь. Он поступил на мехмат, влюбился, женился, развелся и все за один год. А еще через два года он, благо была такая возможность, слинял в вожделенную Америку, которой тогда бредили многие из его окружения. Отец был категорически против, но что он мог поделать со взрослым сыном?

Интересно, как там Венька? А Наталья Олеговна? Пойду, тут недалеко, в Большом Балканском переулке. Черт, неудобно идти с пустыми руками, но с другой стороны, они вполне могли переехать, и что я буду тогда делать с подарками? Вот если найду кого-то, тогда и буду соображать. Он быстро пошел в направлении знакомого дома. Дом стоял на месте. Вдруг пришло ощущение, что он не зря туда идет. Подъезд был закрыт. Он потоптался в нерешительности, но тут из подъезда вышла девочка с двумя толстыми таксами, черной и коричневой. Тимур вошел в подъезд и поднялся пешком на третий этаж, хотя в доме был лифт. когда-то эта дверь выглядела весьма непрезентабельно – обивка была порезана хулиганьем и из порезов торчали клочья грязной ваты. Теперь же это была красивая дверь, обшитая темным деревом. Ну, с богом, сказал себе Тимур и нажал на кнопку звонка.

– Кто там? – раздался женский голос.

– Наталья Олеговна?

– Да, а вы кто?

– Наталья Олеговна, откройте, пожалуйста, это Тимур Альметов!

– Господи Иисусе, Тимка! – воскликнула женщина за дверью и завозилась с замком.

Она мало изменилась, только поседела.

– Матерь Божия, Тимка! Откуда ты взялся? Ох, какой красавец стал, просто кинозвезда! Заходи, заходи скорее! Дай я тебя расцелую! А мы с Венькой буквально на днях вспоминали тебя. Веньки сейчас нет, мотается перед праздником, заканчивает какие-то дела… Ох, Тимочка, ты голодный?

– О нет, Наталья Олеговна! Вы прекрасно выглядите. Я так рад вас видеть… Я вот вчера прилетел в Москву, вернее, на дачу к отцу…

– А как Сергей Сергеевич, жив-здоров?

– Слава богу! А я сегодня приехал в город на электричке и решил к вам заглянуть…

– Молодец, ох какой ты молодец! Ну хоть чай или кофе выпьешь?

– Чашку кофе выпил бы с удовольствием.

– Ну пошли на кухню! Садись, пей кофе и рассказывай.

– Что рассказывать? – растерянно улыбнулся Тимур.

– Как ты, где живешь, что делаешь, дети есть? – забросала его вопросами Наталья Олеговна.

– Хорошо, отвечаю по пунктам. Живу в Нью-Йорке, у меня небольшой бизнес, жены и детей нет, а у вас есть внуки?

– Есть внучка, ей семь лет, но она живет в Хабаровске и ее мамаша, редкая стерва, не разрешает Веньке даже видеться с нею. Ну и мне тоже… Так что считай и нет у меня внуков. Венька второй раз никак не женится… Вот и ты холостяк…

– А чем Венька занимается?

– Венька режиссер-документалист. Довольно известный в узких кругах. Мотается по стране, снимает в основном всяких животных, вымирающие виды…

– Ого, молодец какой…

– Ой, я сейчас ему позвоню, скажу, что ты у нас, он обрадуется… Ты не очень спешишь?

– Да нет в общем-то…

– Алло, Венька? Ты скоро вернешься? А то тут к тебе пришли! – радостно-таинственным тоном сообщила Наталья Олеговна. – Да скажу, скажу! Тимур. Что значит, какой Тимур? Твой школьный дружок. Правда-правда! Вот так заявился, красавец невозможный! Вот и молодец! Он уже едет! Будет через полчаса! Обрадовался не знаю как! Аж задохнулся! Скажи, Тима, ты первый раз в Москву приехал?

– Да, первый!

– А с отцом хоть виделся?

– Нет, Наталья Олеговна, не виделся, мы ж тогда в ссоре были… А тут вдруг подумал – какой бред! Сколько там отцу осталось, а я… Взял и позвонил. А он обрадовался… Ну я и рванул…

– Извини, Тима, а Сергей Сергеевич… он пытался тебя искать как-то?

– Нет. Он такой же упертый, я в него пошел. Но встретились так, словно и не было этих лет.

– Слава богу! Скажи еще, а ты там, в Нью-Йорке, один живешь?

– Один, – улыбнулся Тимур. – Я очень ценю свободу.

– Ну хоть друзья у тебя есть?

– Друзья? Нет, пожалуй, в нашем понимании этого слова нет. А вот приехал и сразу вспомнил про лучшего друга.

– Молодец! А Венька дружбу очень ценит. У него есть очень близкие друзья, он тебя с ними обязательно познакомит. Я уверена!

– А как вы сами, Наталья Олеговна? Выглядите просто прекрасно.

– Да хорошо! Вышла на пенсию, даю частные уроки, за это неплохо платят, хожу дважды в неделю в спортзал, главное – сын со мной, хотя, если честно, я предпочла бы, чтобы он женился, но он ни в какую!

В этот момент в двери повернулся ключ. И через минуту в кухню ворвался мужчина в кожаной куртке.

– Тимка! Друг!

Тимур вскочил и они обнялись.

– Венька! Как я рад!

– Скотина бессовестная! Пропал на столько лет! Я пытался тебя искать в соцсетях, но тщетно! Ну ладно, прощаю! Ну, что, где, когда? Дай погляжу на тебя, мама права, красавец!

– Да ладно!

– Мама, я голодный! Ты Тимку еще не кормила?

– Да он отказался!

– А я вот не откажусь! И он со мной поест как миленький! Ох, Тимка, до чего ж я рад! Ты в Москву надолго?

– Не знаю еще, думаю, недели на две.

– Новый год где встречаешь?

– С отцом, на даче.

– Дело святое! Но в православное Рождество я тебя ангажирую, поедем на новоселье к одной очень интересной женщине.

– Веня, ты о ком? О Сандре?

– Конечно! Она построила дом и пригласила на новоселье!

– Но я… – попытался было возразить Тимур, но не тут-то было.

– Возражения не принимаются! Там будут все мои друзья, которые много о тебе слышали, ты просто обязан познакомиться с ними, да и с Сандрой тоже. Ты не думай, сватать тебя никто не собирается. Соберется теплая компашка, посидим, выпьем, пообщаемся, тебе понравится, я стопудово уверен!

Тимур улыбнулся.

– Ну что ж, если ты настаиваешь…

– Я настаиваю!

– Венька, ну что ты пристал к человеку! Слушай, по-моему у Сандры сегодня день рождения?

– Да, но она обзвонила всех и сказала, что праздник переносится на седьмое. Она еще не очухалась от переезда. Я ее поздравил, хотел заехать хоть на полчаса, но она объявила, что сегодня никого не принимает, будет вдвоем с сыном.

Наталья Олеговна тем временем накрыла на стол, разогрела обед и заявила:

– Вот что, мальчики, вы тут сами хозяйничайте, а я, раз такое дело, пойду пройдусь по магазинам и загляну к Нюсе, она давно звала…

– Это вы из-за меня? – всполошился Тимур.

– Нет, конечно, я могла бы просто уйти к себе в комнату, – рассмеялась Наталья Олеговна.

– У меня самая тактичная мама на свете! – засмеялся Вениамин. – Ну, друг, какими судьбами?

Тимур рассказал, как все вышло.

– Тимка, я краем уха слыхал, что ты вроде играл…

– Да, играл, и успешно, а это затягивает, но потом понял – может затянуть на дно. И в один прекрасный день бросил.

– Ты гигант! И не тянет?

– Иногда тянет, но не смертельно. Рацио берет верх.

– То есть ты не очень азартный?

– Был очень азартный, но не до безумия. Помню, как-то проигрался, надо было отыгрываться, занял у товарища пять тысяч долларов. Отыгрался, отдал долг и попросил никогда больше мне в долг не давать. Вдруг не сумею вернуть?

– Да, рацио… Молодец! Ну а сейчас чем думаешь заниматься?

– У меня небольшой бизнес есть.

– На какую тему?

– Держу четыре магазина. Торгую… машинками.

– Какими машинками?

– Моделями машин.

– Игрушками?

– Ну, в известном смысле да, игрушками, хотя мои покупатели в основном вполне взрослые и по большей части весьма состоятельные дяди.

– Коллекционеры, что ли?

– В основном да, коллекционеры.

– Слушай, здорово! Хотел бы я попасть в такой магазин… Интересно!

– А приезжай ко мне! Ты был в Нью-Йорке?

– Нет, я был только в Калифорнии.

– Правда, приезжай, покажу тебе город, на Бродвей сходим, в музей Гуггенхайма, и вообще куда захочешь.

– Заманчиво! Ну, там видно будет.

– Вень, твоя мама сказала, ты снимаешь кино про вымирающих животных…

– Ну, не только.

– Так расскажи о себе!

– Да ну, неохота, успеется еще!

– А чего не женишься?

– Да так как-то…

– А кто такая Сандра?

– Нет, это не то! Это просто подруга, вернее, не так, Сандра – друг, настоящий друг. Знаешь, я года три назад встретил одну… Показалось – то, что надо. Стали жить, что называется, гражданским браком. У нее была квартира, мы там жили вдвоем. А Сандра… я видел, что Маринка ей не нравится. Как-то по пьяни пристал к ней, почему ты к Марине так относишься. А она и говорит: «Ты дурак, Венька, она тебя не любит. И ты скоро это поймешь!» А Сандра, она людей насквозь видит, но я тогда не поверил, тем более Маринка всячески мне свою любовь демонстрировала. А однажды я случайно услыхал ее разговор с подружкой… и узнал, что я разве что ей не противен, а любит она одного американца, который в Москве работает, а со мной сошлась, чтобы ему досадить, ну и все в этом роде, и вообще быть одной – это стыдно и непрестижно…

– Гадость какая! – воскликнул Тимур. – И что ты сделал?

– Ушел, а что еще в такой ситуации делать? Не бить же ей морду, хотя, признаюсь, очень хотелось. Слушай, а как вы там с бабами, а? Опасно же, даже ущипнуть за задницу опасно…

– Опасно, – хмыкнул Тимур. – Есть у меня одна китаянка, красивая, милая… Я все больше по экзоткам, они еще не так оборзели, как американки. Обхожусь, одним словом.

– Ошизеть!

– Вень, а ты мне не покажешь какой-нибудь свой фильм? Интересно же!

– Покажу, конечно, просто сейчас неохота, хорошо сидим. Я ведь, Тимка, ты помнишь, с рыбаками ходил на Дальнем Востоке…

– Это последнее, что я о тебе знал.

– Ну вот, я тогда понял: море – это мое, и пошел в мореходку…

– Да ты что!

– Да и окончил, и служил…

– А как Наталья Олеговна это пережила?

– А что было делать? И хоть время было для флота тяжелое, жуть просто, но мы… У меня двое друзей с тех пор, вернее, было трое, но один умер давно, самый лучший из нас, Георгий, он погиб совсем молодым, у него жена с сынишкой остались, Сандра, Александрина… И мы, трое друзей, поклялись, что заменим Лешке отца…

– Погоди! – воскликнул Тимур. – Ты сказал, Лешке?

– Ну да, Лешке.

– Вы трое? Вы батьки??

Вениамин вытаращил глаза.

– Ты что, знаешь Сандру?

– Нет, я знаю Лешку! – рассмеялся Тимур.

– Но… каким образом?

Тимур рассказал.

– Нет, ну надо же.

– Между прочим, Лешка показал мне вашу фотографию, но я тебя на ней не признал.

– Просто не вглядывался небось…

– Пожалуй, да, не вглядывался.

– С ума сойти! До чего же свет мал! Ну уж теперь ты просто обязан поехать к Сандре.

– Пожалуй, да! – рассмеялся Тимур.

– И я уверен, она захочет написать твой портрет.

– Господи, зачем!

– А у тебя интересное лицо. Между прочим, она модная портретистка, наша Сандра. Хотя нигде не училась специально. Она по образованию юрист, начинала адвокатом, и хорошо работала, а лет двенадцать назад в один прекрасный день вдруг все бросила и занялась живописью, стала продавать свои картины в Измайлове, их покупали, потом написала портрет одного артиста, достаточно известного, и портрет имел просто бешеный успех, и ее начали приглашать разные знаменитости. И даже олигархи. Всем охота иметь портрет кисти знаменитой Александрины Ковальской. В сентябре у нее должна быть персональная выставка…

– Круто! А ты по-прежнему дружишь с теми ребятами?

– Конечно! Для нас это святое! И Сандра тоже не оторвалась от нас. И мы все друг другу помогаем, когда возникает необходимость.

– Красиво! Красиво и романтично! А как же море?

– Море – это молодость! Мы ее не забываем, но все как-то нашли себя. Марик работает на телевидении, а Игорь – крутой программер.

– И вы все влюблены в Сандру? – улыбнулся Тимур.

– Да нет, ты что! Игорь счастливо женат. Марик два года назад овдовел.

– Слушай, Венька, вот сижу тут с тобой, слушаю, и как будто в детство вернулся, когда еще романтика и все, что с ней связано, – святая дружба, море, верность, любовь… Просто не верится даже. Неужто все это еще есть?

– Да есть, хоть это и редкость.

– Но все-таки это существует?

– Как видишь!

Они еще долго сидели, что-то вспоминали, над чем-то смеялись, их души размягчились…

– Ох, Венька, а где ж Наталья Олеговна бродит? Время восьмой час! Да и мне пора, отец ждет.

– Мама у подружки, а вот Сергея Сергеевича не стоит огорчать! Я тебя провожу до электрички. Я бы отвез, но пил, сам понимаешь!

– О чем речь! Прекрасно доберусь на электричке!

Они простились на перроне, договорившись встретиться седьмого и поехать в гости к Сандре. Обнялись на прощание.

– Знаешь, Тимка, у меня было несколько встреч со старыми товарищами, но кроме разочарования они ничего не приносили. А с тобой… мы понимаем друг друга, как в школе.

– Ты прав, Веня! Я тоже это проходил.

Едва электричка тронулась, Тимур позвонил отцу.

– Папа, я еду домой.

– Ну, как погулялось?

– Приеду – расскажу!

Отметив день рождения с сыном, Сандра отпустила его со словами:

– Все, Лешка, до шестого можешь быть свободен! А я буду отсыпаться, я устала, как пес!

– Так до шестого и будешь дрыхнуть? – засмеялся сын.

– По крайней мере сейчас мне так кажется! А шестого надо будет во дворе прибрать. Я, конечно, и сама могу, но на что тогда нужен сын?

– Даже не вздумай! – погрозил ей пальцем сын.

– Кстати, Лешка, если захочешь привезти кого-то из друзей, милости прошу. Или девушку… Да, ты с Викой не помирился?

– Даже не собирался, – нахмурился Алексей.

– А она не проявлялась?

– Прислала вчера эсэмэску. Я не ответил. Да Бог с ней, мама, я понял, она… не нашей крови, дешевка.

– Я это давно поняла, но не стала тебе говорить, была уверена, сам поймешь рано или поздно. Но я счастлива, что ты это понял не поздно.

– Мама, ты мудрая, как змея!

– Не смей сравнивать меня со змеей!

– А кто у нас еще мудрый?

– Сова!

– А с совой можно тебя сравнивать?

– Нужно! Обожаю совушек. Это такие летающие кошки, прелесть просто!

– Я понял, мне надо искать такую, как ты!

– Таких, как я, больше нет! Так что не теряй время зря! – засмеялась Александрина Юрьевна.

– Все, мам, я поехал!

Проводив сына, она вернулась в дом и, совершенно счастливая, огляделась по сторонам. Господи, неужели это мой дом? Я себе не верю! Такой красивый, современный, уютный. И эта потрясающая круглая лестница, ни у кого такой еще не видела. Мне ее предложил изумительный краснодеревщик, с которым меня познакомил Марик. Эта лестница – ноу-хау этого краснодеревщика. По ней так легко подниматься, и она так вписалась в интерьер дома. Все, кто видел, спрашивают: а что это такое? Даже не сразу сообразишь, что лестница. И Александрина Юрьевна, медленно, с наслаждением начала подниматься к себе в мастерскую. Наконец-то у меня есть собственная мастерская, такая, как надо, с верхним светом… Она еще не пропиталась запахом красок, новенькая, с иголочки, как и весь дом. И все это я сама! Своим горбом заработала, нет, не горбом, а талантом!!! Ну и везением, конечно. В России есть масса художников куда талантливее меня, а они с трудом сводят концы с концами, а я нынче в моде, у меня прорва заказов. Я, собственно говоря, не столько художник, сколько даровитый ремесленник… Ну и пусть! Я ведь не училась живописи, но мои портреты пользуются бешеным успехом, и слава богу! Если не считать себя гением, признанным или непризнанным, тогда живешь в ладу с собой и радуешься жизни и никому не завидуешь. Мне, в сущности, плевать, что мои работы не висят в Третьяковке или в музее Гуггенхайма. Плевать с высокого дерева! Я занимаюсь любимым делом и мне за него хорошо платят. Это ли не счастье, по крайней мере для женщины? У меня чудесный сын, хорошие верные друзья… Чего мне не хватает? Ну, вероятно, любви… А кому и когда ее хватает? Что-то я таких не знаю.

Она засмеялась, закружилась по мастерской и с разбега плюхнулась на диван. Ох, устала! Она натянула на плечи плед, свернулась калачиком и вскоре уснула.

Второго января Тимур поехал в Москву и долго гулял по городу, с удовольствием бродил по почти забытым улицам, многие из которых были чудесно украшены к Новому году. На Тверской дым, что называется, стоял коромыслом. Вокруг памятника Юрию Долгорукому в многочисленных павильончиках продавалась разная снедь, от русских блинов до каких-то изысканных австрийских пирожных. Он отведал и блинов, и чешских сосисок. Черт возьми, как хорошо! Настроение было превосходным. Надо же, как изменилась Москва! Сколько веселых, радостных лиц, сколько ребятишек, и ведь вся эта роскошь стоит не так уж

дешево, а отбою от покупателей нет, почти за всем стоят веселые очереди…

Две красивые, хорошо одетые женщины лет по сорок с наслаждением пили глинтвейн. Одна из них вдруг обратилась к нему по-английски. Приняла за иностранца. Впрочем, я и есть иностранец.

– Вам нравится здесь? – спросила она кокетливо.

– Да, очень! – тоже по-английски ответил он.

– Вы первый раз в Москве?

– Да, – кивнул он. – Тут весело! И вкусно.

– А вы откуда сами?

– Из Америки.

– Ой, а вы не подумаете, что мы это… вас сексуально домогаемся? – слегка хмельным смехом залилась ее подруга.

– Боже сохрани! – рассмеялся он. – Хотя, на мой взгляд, любой мужчина был бы счастлив стать объектом домогательств таких прелестных дам!

– А ведь вы врете, вы не американец! – заявила одна из женщин. – У вас английский с русским акцентом! И психология не американская!

– О! У вас очень тонкий слух, – по-русски ответил Тимур. – Но я и вправду живу в Америке!

– А я преподаю английский на филфаке МГУ, и хоть не сразу, но раскусила вас!

В этот момент Тимуру позвонил отец.

– Тимка, тебе не трудно будет купить мне блок сигарет?

– Хорошо, папа! Простите великодушно, дамы, я должен спешить.

Он поклонился и ушел.

– Какой интересный! – проговорила одна из дам. – В нем есть какая-то южная кровь.

– Да, может быть. А я бы с таким закрутила…

– Да, он хорошо воспитан… Но…

– Вот именно – но!

Они рассмеялись не без горечи.

Тимуру было хорошо, так хорошо, как давно не было. Примирение с отцом – камень с души. Они подолгу сидели вдвоем, говорили обо всем на свете. Поразительная эрудиция отца, в юности казавшаяся ему занудством, сейчас доставляла Тимуру истинное наслаждение. Он и сам был человеком образованным, начитанным, но на какую бы тему ни зашел разговор, отец всегда оказывался в курсе.

– Знаешь, папа, я вот говорю с тобой и понимаю – теперь таких людей больше нет.

– Каких таких? – улыбнулся Сергей Сергеевич.

– Людей столь образованных в самых разных областях.

– Вероятно, потому что мы в молодости не сидели целыми днями, уткнувшись в телефоны. И в твоей юности еще не было этой заразы, поэтому мне почти не стыдно за тебя.

– Почти? – улыбнулся Тимур.

– Прости, сын! Не хотел тебя обидеть.

– Да ладно, папа, я не в претензии, тем более, что и сам понимаю – мне далеко до тебя.

– Скажи, Тимка, а ты не жалеешь, что уехал?

– Да нет, папа, я все-таки повидал мир, а, главное, жил так, как считал нужным.

– То есть, в свое удовольствие?

– Пожалуй, ты прав. Только не надо читать мне нравоучений!

– Боже сохрани! Тем более, что нравоучения, как правило, совершенно бесполезны и ничего кроме раздражения не вызывают. Каждый хозяин своей судьбы.

– Ты считаешь, что судьба все-таки играет роль в жизнь человека?

– Безусловно! Просто человек выбирает себе дорожку, а там уж…

– Спорный вопрос, папочка! Мне ведь суждено было пойти по твоим стопам. Я помню, как ты огорчился, когда я отказался поступать на биофак и пошел на мехмат, то есть встал не на ту дорожку…

– Нет, я тогда смирился, но ты ведь по той дорожке тоже не пошел. Хотя у тебя были несомненные способности к точным наукам, но ты их использовал… Извини, но… не совсем во благо…

– Ну почему? Я был выдающимся игроком, ты мог бы мной гордиться, если бы…

– Да ладно, не ершись! Я просто горжусь тем, что ты нашел в себе силы сойти с этой дорожки, и взялся за ум, и к тебе, кажется, не прилипла эта американская пошлость…

– Ты о чем? В Америке очень насыщенная и богатая культурная жизнь…

– Не спорю, но… Впрочем, не будем об этом. Как говорится, в каждой избушке свои погремушки.

– Это правда. В каждой свои!

И хотя шпильки отца по поводу Америки слегка раздражали его, он все ему прощал. Он любил сейчас отца куда сильнее, чем в юности, и многое готов был ему простить.

Шестого вечером Тимуру позвонил Вениамин.

– Тимка, ты помнишь, мы завтра едем в гости!

– Помню, конечно. Только как-то неловко ехать с пустыми руками. Скажи мне, что следует купить в подарок?

– Купи цветы. Для первого знакомства вполне достаточно.

– А какие предпочтительнее?

– Ой, не знаю! Сам реши! Встречаемся в час дня.

– Хорошо. Буду.

– Куда это ты собрался? – полюбопытствовал Сергей Сергеевич.

– Венька тащит меня в гости к какой-то своей подруге, кажется, она художница.

– Сватает? – лукаво подмигнул ему отец.

– Это бесполезно, – усмехнулся Тимур.

За последние два дня навалило очень много снега. Деревья вдоль дороги стояли в снегу, сквозь облака пыталось пробиться солнце, было удивительно красиво.

– Хорошо, что праздники, – заметил Вениамин, – а то такие пробки могли бы быть… Ну, Тимка, как тебе родной город?

– Да хорошо, даже очень! Но это совершенно другой город! Я тут погулял по Тверской, по Никольской…

– А у нас в определенных кругах принято все хаять.

– Да? Ну, значит, меня бы определенные круги не приняли. Да и пес с ними, с этими кругами! – рассмеялся Тимур.

– Узнаю друга Тиму!

На въезде в поселок их спросили, к кому они едут.

– К госпоже Ковальской! – ответил Вениамин.

Охранник сверился со списком и пропустил машину.

Тимур вдруг начал волноваться. Хотя это было ему несвойственно.

Вениамин посигналил у ворот. Никто им не открыл. Он вылез из машины. Тимур последовал его примеру.

Ворота были завалены снегом. И только узкая тропка от калитки к дому была расчищена.

– Думаю, Венька, придется нам с тобой тут помахать лопатами, – засмеялся Тимур.

– Да я не возражаю, – хмыкнул Вениамин. – Надо помочь женщине. Пошли!

Из-за дома раздался какой-то восторженный визг. Они поспешили туда. И замерли в изумлении. Из большущего сугроба вылезла женщина в купальнике и быстро-быстро вскарабкалась по стремянке на крышу сарая. Женщина была рыжей, успел заметить Тимур.

– Сандра, ты спятила! – закричал Вениамин.

– Ни чуточки! – крикнула в ответ женщина и ринулась вниз, в сугроб!

Тимур не растерялся, сорвал с себя дубленку, подбежал к женщине, вытащил ее из сугроба, накинул на нее дубленку и понес к открытой двери черного хода.

– Вы с ума сошли? – спросил он на бегу.

На него глянули огромные зеленые глаза.

– Нет, я просто воплотила свою детскую мечту. А вы кто такой вообще?

Он поставил ее на пол. Она была вся мокрая.

– Живо переодевайтесь. Все разговоры потом!

– Ну да, да… – как-то задумчиво проговорила она и вдруг сорвалась с места и побежала вверх по какой-то странной лестнице, похожей скорее на приземистую башню.

– Охренеть, что она вытворяет! – возмущенно проговорил Вениамин. – Так и ласты склеить недолго. А ты молодец, не растерялся.

– Красивая, зараза! – заметил Тимур.

– Ага! Но с такими закидонами, это ж надо такое выдумать… Пошли, заберем все из машины!

– Пошли!

– Да ладно, я сам, а то твоя дубленка небось вся мокрая!

– Кажется, да, но это не страшно.

– Да ладно, я сам!

Вениамин ушел. А Тимур озирался вокруг. Все очень красиво и как-то необычно. По крайней мере ему так показалось. И тут по лестнице сбежала хозяйка дома в джинсах и темно-голубом толстом свитере. Рыжие волосы затянуты в хвост.

– Здравствуйте! А вы кто?

– Я друг Вениамина. Тимур.

– Ах да, он говорил, я просто растерялась немного, извините. А где Веня?

– Пошел взять из машины подарки.

– Ну что ж, Тимур, будем знакомы, Александрина!

Она протянула ему руку. Он крепко пожал ее.

– Какое красивое имя… Александрина… Никогда не встречал ни одной Александрины.

– Такова была причуда моих родителей. Но мне нравится. О, а вот и Венька! Привет, дружище!

Они обнялись.

– Слушай, к тебе на участок не въедешь.

– Ничего, скоро явится Лешка с другом, им и лопаты в руки! Молодые, пусть работают.

– А то мы с Тимуром готовы!

– Да, разумеется, – подтвердил Тимур.

– Ни фига! Пусть молодежь вкалывает.

– Ну, подруга, показывай дом! – потребовал Вениамин. – Да, а что это тебе вздумалось с крыши сигать?

– Знаешь, я тут по телевизору видала, как на Сахалине один мужик открыл окно и в одних трусах выпрыгнул в сугроб, а за ним сынишка! И мне так захотелось…

– И сколько раз вы прыгнули? – полюбопытствовал Тимур.

– Только два, а собиралась три! Но вы мне помешали! Ладно, проведу экскурсию для вас, хотя нет, лучше когда все соберутся, а то неохота показывать всем по отдельности. Садитесь, ребята. Выпить хотите?

– Я вообще-то за рулем…

– Вот еще! Переночуете здесь. Или Тимур должен вернуться сегодня? – она вопросительно взглянула на него. Он поразился, сейчас ее глаза были голубыми, в цвет свитера.

– Не удивляйтесь, – улыбнулась она, – у меня глаза меняют цвет…

А ведь я ни слова ей не сказал. Она что, и мысли читать умеет, рыжая ведьма?

– Я вообще-то ангел во плоти, – кокетливо пожала она плечами.

– Вы это к чему? – удивился Тимур.

– Ну, вы же наверняка обозвали меня про себя рыжей ведьмой!

– Даже не думал! – рассмеялся Тимур.

– Ну, ну, сделаю вид, что поверила. А с цветами вы угадали, я обожаю анемоны. Спасибо! О, а вот и мой сын пожаловал! С другом! Сейчас они живенько снег раскидают.

– Мам, мы приехали! – и в комнату ворвались двое парней.

– Ой, это вы? – не поверил своим глазам Алексей.

– Я! – улыбнулся Тимур. – Ну здравствуй, Леша.

– Но как? Вы знакомы с мамой!

– Двадцать минут назад познакомился. Я старый друг Вениамина.

– Вы знакомы с моим сыном?

– Да, мы вместе летели из Парижа и в самолете разговорились…

– Надо же… А у вас очень интересное лицо. Хотелось бы написать ваш портрет, – задумчиво проговорила Александрина. – Армения, Грузия? Или Испания?

– Моя мать была армянкой, – почему-то вдруг смутился Тимур.

– А вы сейчас наверняка интереснее, чем в молодости. Тогда вы были просто красавчиком, – все также задумчиво, словно прикидывая что-то, говорила Александрина. – У вас явно непростая история…

– Сандра, окстись, у кого в наше время простая история? – вмешался Вениамин. – Тимка, не соглашайся, она тебя замучает!

– Да ладно, не хотите как хотите, настаивать не буду. Просто говорю, что вижу!

В этот момент к дому подъехала еще одна машина, откуда вылезли мужчина, женщина и немецкая овчарка.

– О, а вот и Игорек с Настей.

Овчарка тем временем залилась веселым лаем и зарылась носом в снег. Перевернувшись на спину, она каталась, помахивая лапами, вскакивая, отряхивалась так, что снег летел во все стороны, потом опять валилась на спину.

– Что-то мне это напоминает, – со смешком заметил Тимур.

Александрина засмеялась так весело, что у Тимура дрогнуло сердце. Она накинула на плечи куртку и выскочила на крыльцо.

– Настя! Игорь! Сюда!

Между тем мальчишки побросали лопаты и принялись играть с собакой. Та была в полном восторге.

– Представляешь, Сандра, Игорь не хотел брать Ларса с собой! Вон как пес счастлив!

– Да я уж вижу! Пусть наслаждается! Привет, привет!

Хозяйка расцеловалась с гостями и повела их в дом. На крыльце обернулась и крикнула:

– Лешка, побойся бога, беритесь за лопаты, а то скоро еще гости явятся, а во двор не заедешь! Успеете еще наиграться. Как маленькие, ей-богу!

– Сейчас, тетя Сандра, мы мигом! – крикнул Лешкин друг Кирилл.

Парни взялись за дело. Ларс носился между ними, мешая работать и весело взлаивал, приглашая продолжить игру. Тимур, стоя у окна, наблюдал за этой картиной. На него вдруг повеяло детством, субботними визитами гостей на дачу, запахами маминой сказочной стряпни…

– Настя, пошли на кухню, – позвала приятельницу Александрина.

– Слушай, Сандра, кто этот красавец?

– Друг Вениамина. Приехал из Америки. Интересное лицо, хотелось бы написать.

– По-моему, он положил на тебя глаз.

– Ну и что?

– Может, обратишь внимание?

– А ну его… Слишком он верченый какой-то, комплексы там какие-то гуляют, неохота мне.

– Ну и зря! Очень-очень привлекательный самец!

Но тут на кухню заглянул Игорь.

– Сандра, какой чудный дом! А лестница… Где такую надыбала?

– В мастерской краснодеревщика. Нравится?

– Вообще улет! Красотища! Небось стоит немерено!

– Ага! Недешево, прямо скажем! Весь гонорар за портрет одного олигарха ушел! Но зато даже когда я стану старенькой, подниматься по такой лестнице будет легко!

– О чем ты говоришь, какая старость! – возмутилась Настя, которой не исполнилось еще и тридцати.

– Просто я дальновидная! – засмеялась Александрина.

Вскоре приехали еще гости. Все сидели за огромным столом, шутили, смеялись, все было на удивление вкусно. Вениамин мастерски рассказывал анекдоты, иной раз на грани фола, но ни разу не перешел эту грань. Тимур сидел молча, он чувствовал себя не в своей тарелке, отвык начисто от подобных сборищ. И почти не пил. Он ни за что не хотел оставаться тут на ночь. В какой-то момент, после фантастически вкусного жаркого из оленины, он вышел из-за стола, прошел в

другую комнату и вызвал такси.

– Вам не нравится у нас? – спросил Алексей, слышавший его разговор.

– Нет, что ты! Очень нравится. У вас чудесно, но я обещал отцу вернуться сегодня не очень поздно. Не обижайся!

– А вы меня не подбросите до Москвы, а то у меня же сессия, надо заниматься. А я пил все-таки…

– Подброшу, не вопрос.

Из столовой раздался взрыв хохота.

– Я, пожалуй, уйду по-английски, – сказал Тимур, – не хочу нарушать веселье. О, а вот и машина! Ты маму-то предупреди!

– Да, верно! Я мигом!

Тимур уже надевал дубленку, когда в прихожую вышла Александрина.

– Тимур, куда же вы?

– Я обещал отцу…

– Ну что ж, не смею задерживать. Рада была познакомиться. Приезжайте еще! А Лешку я никуда не отпущу сегодня!

Она протянула ему руку, он поцеловал ее.

– Спасибо, Сандра, у вас хорошо… И вы… очень красивая…

– Особенно в сугробе, да?

– И не только! До свидания, Сандра.

И с этими словами он вышел на крыльцо. Машина уже дожидалась за забором.

– Мам, почему он уехал?

– Говорит, что обещал отцу. Но, думаю, врет.

– Почему?

– Ему тут было тяжело.

– С чего ты взяла?

– Просто почувствовала. Ну и бог с ним! Пусть гуляет на воле!

И они вернулись к гостям.

Водитель попался неразговорчивый. Тимур закрыл глаза и сразу увидел, как Александрина с крыши сигает в сугроб. Ненормальная! Но хороша… Она такая раскованная, но без всякой вульгарности. Просто уверенная в себе женщина, всего добившаяся сама, несомненно талантливая. В доме висят несколько ее работ… Интересно, у нее есть любовник? Наверняка. Но среди гостей его явно не было. Скорее всего он совсем молодой, и она скрывает его от сына и друзей. И, кажется, она умная, с ней интересно было бы поговорить. Она явно умеет слушать, а это редкость… Но это не мой кадр.

– Тимка, ты вернулся, я думал заночуешь там, – встретил его отец. Он явно был рад возвращению сына. – А я как раз собирался пить чай. Ты как?

– Да я отвык от чаепитий, папа! Но, пожалуй, за компанию выпью.

Отец сам заваривал чай, это был целый ритуал. Смотреть на его манипуляции было приятно и спокойно. А в доме Александрины он ни секунды не чувствовал себя спокойно.

– Тимка, пей чай, бери варенье! Это из райских яблочек, а это земляничное! Кажется, ты любил земляничное… Помнишь, как мама варила землянику…

– Да, в таком большом медном тазу.

– А тебе доставались все пенки.

– Ничего вкуснее этих пенок я сроду не ел.

– Ну, а как ты погулял сегодня?

– Объективно – неплохо, красивый дом, красивая хозяйка, веселая, дружная компания, но я там чувствовал себя лишним, мне было неуютно. Я отвык от подобных историй…

– А что, у себя в Америке ты не бываешь в таких компаниях?

– Нет. Я вообще скорее одинокий волк, папа!

– Странно, в юности ты был очень даже компанейским парнем.

– Это было в прошлой жизни, папа. За те годы, что я играл, я отвык от компаний, я практически не пил… А теперь мне всего этого просто не хочется.

– А чего тебе хочется, сын?

– Не знаю, как-то нет у меня никаких выраженных желаний. В юности их было море…

– Но главным, по-моему, было желание свалить в Америку.

– Да, пожалуй.

– И как? Не пожалел?

– Да нет, пожалуй. Хотя в последнее время там довольно противно. Мне когда-то один чрезвычайно умный человек сказал, что главная беда Америки – среднее образование. Оно находится на чудовищно низком уровне, а люди, прошедшие эту школу, потом будут выбирать американского президента, фигуру значимую во всем мире. Ну, и что мы теперь видим?

– И кто был этот мудрец?

– Один московский ученый с мировым именем. Я тогда еще подумал – он преувеличивает. Но доигрывание показало… Очень высокий коэффициент абсурда…

– Так может вернешься? Неужто еще не нахлебался своей Америки?

– А что я тут буду делать?

– Да хоть те же машинки продавать… У тебя есть куда вернуться, все, что есть у меня – твое, и мне спокойнее будет, я уже старик…

– Да нет, папа, менять жизнь надо, когда на это есть душевные силы. А у меня их нет.

– Господи, Тимка, что ты говоришь?! Когда ты приехал, мне показалось, что ты…

– Знаешь, папа, я сегодня увидел женщину, от которой еще пять лет назад сошел бы с ума, хотя я, кажется, никогда не сходил с ума из-за баб.

– Значит, она тебе понравилась?

– Она – да, но я себе в этой связи не понравился.

– То есть?

– Даже не знаю… Понимаешь, я смотрел на нее и понимал, что она для меня, как бы это сказать… слишком живая, что ли…

– Что за бред! Какого она возраста?

– Слегка за сорок.

– Тимка, она не обратила на тебя внимания?

– Не знаю. Она была вполне мила. Она темно-рыжая и внутри у нее словно все кипит… Когда мы с Венькой подошли к ее дому, она как раз в одном купальнике прыгнула с крыши сарая прямо в сугроб.

– В сугроб? В купальнике? – расхохотался Сергей Сергеевич. – Сумасбродная дамочка! Хотя это, вероятно, большое удовольствие! Прыгают же люди в прорубь, а это куда круче… Ну а как она в купальнике? Хороша?

– Да, недурна. Я сорвал с себя дубленку и накинул на нее.

– А на руки не взял?

– Взял, конечно, и отнес в дом.

– Слушай, Тимка, а в твоей Америке тебя в такой ситуации могли бы обвинить в сексуальных домогательствах?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ekaterina-vilmont/dama-iz-sugroba

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити